

RU

Поэтика повседневности в творчестве С. Довлатова

Анисимова А. Н., Ефремова Ю. И.

Аннотация. Цель исследования – выявление своеобразия репрезентации повседневности, т. е. механизмов отражения повседневных реалий, в творчестве С. Довлатова на материале повестей «Компромисс» (1981), «Зона» (1982) и «Заповедник» (1983), сборника «Чемодан» (1986). Научная новизна работы заключается в интерпретации произведений данного прозаика через призму обыденного. Полученные результаты показали, что основными признаками повседневности в проанализированных произведениях являются повторяемость, замкнутость пространства, обращение к сфере частной жизни героев-обывателей. Повседневность требует узнаваемого фона, который в произведениях С. Довлатова создают повторяющиеся мысли, описания, образы, однако обыденность у С. Довлатова не однообразна, что разрушает представление о традиционной повседневности как о чем-то однотипном. Автор освещает единичные, не крупные события, которые достаточны для воссоздания целостной картины, простым языком, пользуясь сравнениями, метафорами, эвфемизмами, часто вкрапляя диалоги и анекдоты, передавая акцент и дислалию. Разговорный стиль, к которому прибегает С. Довлатов, создавая речевые характеристики героев, демонстрирует присущие ему дискретность, незавершенность мысли, неполные синтаксические конструкции, краткость высказывания.

EN

Poetics of everyday life in the creative work of S. Dovlatov

Anisimova A. N., Efremova Y. I.

Abstract. The aim of the study is to identify the originality of everyday life representation, i.e., the mechanisms of reflection of everyday realities, in the creative work of S. Dovlatov based on the material of his novellas “The Compromise” (1981), “The Zone” (1982) and “Pushkin Hills” (1983), the collection “The Suitcase” (1986). The scientific originality of the paper lies in interpreting the prose writer’s works through the lens of everyday life. The results show that repeatability, closeness of space and the turn to the sphere of private life of ordinary characters represent the main features of everyday life in the analyzed works. Everyday life requires a recognizable background created by repetitive thoughts, descriptions, images in S. Dovlatov’s works, however, the routine in his writings is not monotonous, which destroys the idea of traditional everyday life as something uniform. The author highlights separate, small-scale events that are sufficient to recreate a complete picture in simple language, using similes, metaphors, euphemisms, often interspersing his works with dialogues and jokes, conveying emphasis and dyslalia. The conversational style used by S. Dovlatov to create the speech characteristics of his characters demonstrates its inherent discreteness, unfinished thoughts, incomplete syntactic constructions and brevity of utterance.

Введение

Актуальность работы заключается в том, что современная наука проявляет широкий интерес к категории повседневности в сфере литературоведения, а не только в социологии, истории, культурологии и философии. Писатели, творчески воссоздавая реальность в художественных произведениях, пользуются различными приемами воссоздания повседневности, в зависимости от эпохи, своих эстетических взглядов, творческих задач. Обращение к категории повседневности затрагивает такие важные эстетические, теоретические и поэтологические проблемы, как отношение искусства к действительности, роль авторского восприятия и творческого преобразования реальности, роль художественной детали и ее отбор, проблемы типизации и т. д.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить основные признаки повседневности в художественных текстах С. Довлатова, проанализировать специфику воплощения повседневности в его прозе, охарактеризовать изобразительно-выразительные средства создания бытовой сферы в повестях писателя.

Объектом нашего исследования является проза С. Довлатова 1980-х гг., предметом – бытовая сфера в повестях С. Довлатова «Компромисс» (1981), «Зона» (1982) и «Заповедник» (1983), сборнике «Чемодан» (1986).

В работе были использованы следующие методы литературоведческого исследования: сравнительный (анализ произведений С. Довлатова и определение общих и отличительных признаков); метод целостного анализа (исследование бытового пласта в художественной литературе и прозе С. Довлатова, в частности); историко-культурный метод (восстановление сферы повседневности второй половины XX века).

Категория повседневности в работе рассматривается на материале повестей С. Довлатова: Довлатов С. Д. Зона. Записки надзирателя; Компромисс; Заповедник. М.: ПИК, 1991а; Довлатов С. Д. Чемодан: повести. М.: Московский рабочий, 1991б.

Теоретическую базу нашего исследования составили труды Ю. М. Лотмана и Д. С. Лихачева, которые писали о важности познания прошлого через обыденную человеческую жизнь, что должно помочь осмыслению истории государств, истории войн, истории идей (Лотман, 2001), о том, что в любом литературном явлении отражена и преображена реальность: «...от реальности быта до реальности исторического развития (прошлого и современного), от реальности жизни автора до реальности самой литературы в ее традициях и противопоставлениях» (Лихачев, 1984, с. 4).

И. Т. Касавин и С. П. Щавелев (2004) проводят различие между повседневностью и ее отражением в художественной литературе с философской точки зрения. Ф. В. Кувшинов (2019) выполняет типологический анализ способов репрезентации ключевых реалий повседневной жизни Советской России 1920-1930-х гг. в русской прозе.

Рассматривая историю изучения повседневности как научного направления, Н. А. Милешина и А. В. Меркушин (2015) анализируют дискуссии ученых о сущности и основных признаках категории «повседневность», подчеркивая междисциплинарный характер проблемы.

Комментируя произведения русской классики XVIII-XIX вв., В. П. Мещеряков и М. Н. Сербул (2003) выделяют такие координаты быта, как жилище, одежда, семья, образование, воспитание, уклад жизни Петербурга и т. д. На материале русской литературы к проблемам повседневности обращается также Т. Н. Комарова (2021) (ею анализируются конкретные повседневные реалии в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»). На материале англоязычной литературы повседневность исследуется О. В. Телегиной (2016) и Т. Г. Струковой (2023). В их трудах данная категория представлена как комплексное явление, являющееся обязательной, смыслообразующей частью человеческой жизни. Различные аспекты творчества С. Довлатова изучаются такими учеными, как Е. А. Власова (2019), А. Генис (2001), Г. А. Доброзракова (2012), А. Г. Плотникова (2008), О. А. Вознесенская (2000).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при составлении вузовских лекционных курсов для бакалавриата и магистратуры, практических занятий по истории и теории русской литературы XX века в процессе изучения творчества С. Довлатова, а также в разработке спецкурсов, посвященных проблемам повседневности и ее репрезентации.

Обсуждение и результаты

До настоящего времени пока не выработано общепринятого определения категории повседневности. И. Т. Касавин и С. П. Щавелев предлагают использовать несколько подходов к поиску дефиниции – онтологический (ориентирован на телесно-поведенческий, предметно-вещный, деятельностно-событийный аспекты) и психолого-эпистемологический (средоточием повседневности выступает обыденное сознание). Первый подход авторы связывают с такими характеристиками повседневности, как неизбежность совершения тех или иных поступков, повторяемость,ходящая до цикличности, а то и до ритмичности времени, замкнутость (оконостуренность) типичных пространств повседневности, консервативность, устойчивость к воздействиям внешнего мира, усредненность, принципиальная общедоступность, взаимозаменяемость субъектов деятельности, массовидность распространения обыденных феноменов, обезличенность событий, отнесенность к частной жизни. В рамках второго подхода те же самые характеристики повседневности рассматриваются как нечто обязательное, неминуемое для каждого из нас, постоянное, привычное, ожидаемое, понятное, узнаваемое, вполне предсказуемое (Касавин, Щавелев, 2004).

Совмещая оба подхода, И. Т. Касавин и С. П. Щавелев (2004), анализируя повседневность, противопоставляют героя обыкновенного – домохозяина, обывателя, исполнителя – таким типам героев, как специалист-профессионал любого профиля, фигуры сакрального типа, «свободный художник», «деклассированные элементы».

Границы повседневности нарушаются в том случае, когда герои занимаются творчеством, добровольно отказываются от привычного образа жизни, стремятся к свободе самовоплощения или саморазрушения, однако никому не удается надолго вырваться из повседневности, а возвращаясь обратно, герой вновь стагнирует.

В поэтике художественного произведения повседневность проявляется на всех уровнях – построения сюжета (цикличность, ритмичность, заданность и т. д.), системы образов, хронотопа (замкнутость и цикличность на уровне природно-общественного времени и социально-природных пространств), мотивов (дома, дороги, колеи, семьи и т. д.), изобразительно-выразительных средств.

Анализ произведений С. Довлатова позволяет с уверенностью говорить о таких характеристиках повседневности в его творчестве, как повторяемость, замкнутость, отнесенность к частной жизни.

Повторяемость. Повтор в произведениях С. Довлатова реализуется на разных уровнях – идейном, структурном (композиционном), сюжетном, образном, звуковом, поведенческом. Автор затрагивает идеи, которые переходят из одного произведения в другое, рождая у читателя ощущение дежавю. Это идеи-законы, которые

автор с течением времени выработал для себя и принял как неоспоримые. Например, идея о том, что советский человек имеет право только единожды отступить от обязательных качеств: русский, трезвый, партийный, порядочный, как, например, в «Компромиссе». Неоднократно транслируются идеи об отвержении деления людей на плохих и хороших, о врожденности бедности и богатства. Автор обращается к собственной системе ценностей и жизненному опыту, проверенному временем, которые являются важнейшим и определяющим признаком повседневного мышления.

Структура довлатовских «компромиссов» также демонстрирует повторяемость. Например, «компромисс» про четырехтысячного ребенка Таллина и «компромисс» о похоронах Хуберта Ильвеса построены одноструктурно: разговор Довлатова и редактора Туронка, встреча с Мариной и выполнение ответственного задания. Такое построение глав-компромиссов демонстрирует «односюжетность» повседневности.

Цикличность действий и поступков, лежащих в основе сюжета повести «Зона» и являющихся отличительным признаком повседневной жизни, определяет запрограммированно-ритуальные действия Бориса Алиханова при встрече с капитаном Токарем: он здоровается, отдает честь, роняет ладонь и обязательно произносит вопрос: «Как спали, дядя Леня?» или «Как ночь, дядя Леня?» (Довлатов, 1991а, с. 22).

На образном уровне повторы отражают повседневное мышление в одном из отрывков «Зоны», где женские образы наделяются одной и той же характеристикой: «Все больничные медсестры казались хорошенькими» – «Официантки в столовой казались хорошенькими и похожими на медсестер» – «Женщины в разноцветных блузках казались хорошенькими и похожими на медсестер» (Довлатов, 1991а, с. 16). В повести постоянно звучат лай собак, звук пилорамы, брэнчание поводка Гаруна, что создает повседневный, узнаваемый и привычный фон произведения.

По мнению Е. М. Мелетинского, именно в повторах находит свое проявление поэтика мифологизирования, для которой характерна циклическая «ритуально-мифологическая повторяемость для выражения универсальных архетипов и для конструирования самого повествования», так же как и концепция «легко сменяемых социальных ролей (масок), подчеркивающих взаимозаменяемость, “текучесть” персонажей» (2001, с. 145).

Замкнутость пространства. Будучи одним из ведущих признаков повседневности, понятие замкнутости, отграниченности пространства уже изначально заложено в поэтику названий произведений С. Довлатова: «Зона», «Заповедник», «Наши», «Филиал». Повседневная жизнь предполагает строгую пространственную закрепленность – человек в бытовой сфере четко знает такие отграниченные локусы, как работа, школа, университет, дом, больница и др., а действие обычно происходит в каком-либо помещении: бараке, кабинете, квартире, комнате. Герой С. Довлатова чувствует себя защищено и спокойно только в личном замкнутом пространстве, в котором он устраивает свою частную жизнь, будучи изолированным от других людей. Таким образом, у довлатовской повседневности существуют границы, замыкающие личную сферу героев, создавая четкие границы хронотопа.

Сфера частной приватной жизни. Выбирая героев для своих произведений, С. Довлатов отдает предпочтение такой категории людей, которые отличаются следующими качествами: простота, открытость, честность и бескорыстность. Особую симпатию автор испытывает к тем, кто нуждается или ошибается – это несчастные, «униженные и оскорбленные», «деклассированные элементы». Таковы заведомый рецидивист Гурин из «Зоны», «неудержимый русский деградант» Буш из «Компромисса» и удалой Михал Иваныч из «Заповедника».

Моральный или физический недостаток автор воспринимал как ошибку, без которой герой виделся ненастоящим, фальшивым, – несовершенство венчало личность, ошибка делала ее годной для довлатовских сюжетов. «Через отверстие в броне – пороки, преступления или хотя бы дурные привычки – человек соединялся с аморальным миром, из которого он вышел» (Генис, 2001, с. 66). Страсть Довлатова к человеческим слабостям была лишена злорадства и казалась бескорыстной. Автор был одержим не грехом, а прощением. «Такая позиция в какой-то степени ущербна, так как слабым он прощал все, а сильным ничего...» (Генис, 2001, с. 66). Наиболее ярко писатель отражает особенности частной жизни героев в повести «Зона» на примере отношений Егорова и Катюши, в «Заповеднике» частная жизнь раскрывается в сюжетной линии Бориса Алиханова и жены Татьяны, в особенностях существования Михал Иваныча (жизненные принципы, отношения к людям, соседям, жене), в «Компромиссе» изображаются жизненные ситуации Аллы Мелешко, Лидии Агаповой, Тины Кару; повествуется о судьбе Эрика Буша.

Обычным героям-обывателям С. Довлатов противопоставляет представителей власти, однако писатель уделяет последним гораздо меньше внимания. Тем не менее автор изображает начальника лагеря в «Зоне», не описывая его подробно, но и у него есть своя повседневность.

По С. Довлатову, человека и человеческие отношения можно изучать не только на примерах подвигов, выдающихся открытий, в условиях угрозы жизни или критической ситуации – любой человек заслуживает внимания. С точки зрения автора, если хочешь узнать человека – загляни к нему в семью, на работу, поговори с ним о жизни.

К изобразительно-выразительным средствам создания повседневности в произведениях С. Довлатова относятся многочисленные сравнения, метафоры, эвфемизмы. Желая раскрасить кажущуюся обыденность и заурядность образов, автор, создавая их, использует неожиданные сравнения: «У Эви были острые лопатки, а позвончик из холодных морских камешков» (Довлатов, 1991а, с. 198); «Ноги его волочились, как два увядших гладиолуса» (Довлатов, 1991а, с. 199). Сравнения С. Довлатова живописны и своеобразны: «Друзья направились в микрорайон, жизнелюбивые, отталкивающие и воинственные, как сорняки» (1991а, с. 286); «Лебеди скользили по воде, как два огромных черных букета» (1991а, с. 228); «Я чувствовал себя неловко [в чужом пиджаке], прямо дохлый кит в бассейне. Лошадь в собачьей конуре» (1991а, с. 245). Заурядность лица автор сравнивает с бельевой пуговицей, губы девушки – с листком, нагретым солнцем.

Метафоры встречаются у С. Довлатова довольно часто, особенно при описании внешности героев: «Над утесами плеч возвышалось бурое кирпичное лицо. Купол его был увенчан жесткой и запыленной грядкой прошлогодней травы. Лепные своды ушей терялись в полумраке. Форпосту широкого прочного лба не хватало бойниц. Оврагом темнели разомкнутые губы. Мерцающие болотца глаз, подернутые ледяной кромкой, – вопрошали. Бездонный рот, как щель в скале, таил угрозу» (1991а, с. 312).

Избегая традиционных названий предметов или явлений, писатель использует эвфемизмы, облагораживая тем самым повседневность: «И тут редактор сплеховал. Он обеими руками схватился за ширинку. Вернее... Ну, короче, за это место... Прodelал то, что музыканты называют глоссандо. (Легкий пробег вдоль клавиатуры.) Убедился, что границы на замке» (Довлатов, 1991а, с. 184). Автор не боится говорить о естественных отправлениях человека, делая это очень деликатно и тактично: «Снег около нее [будки] был покрыт золотистыми вензелями. Среди них выделялся каллиграфический росчерк Потапа Якимовича из Белоруссии» (Довлатов, 1991а, с. 21).

В эпизоде из повести «Зона» о постановке революционной пьесы силами заключенных С. Довлатов прибегает к использованию слов, близких по звучанию, но искажающих смысл высказывания: «Не могу, Владимир Ильич, контрреволюция повсюду. Большевики, эсеры, буржуазные лазунчики» [лазутчики] (1991а, с. 64); «Рано, Владимир Ильич, рано... Вот покончим с большевиками, обезглавим буржуазную кобру» [гидру] (1991а, с. 66); «Рыцари без страха и укропа» [упрека] (1991а, с. 65). Подобные искажения слов вносят ощущение живости, динамики и способствуют созданию эффекта иронии.

Речевую раскрепощенность и свободу героев демонстрируют естественные для их повседневной жизни диалоги. Борис Алиханов в «Заповеднике» слышит следующий разговор в кабинке для переговоров: «Татуся, слышишь?! Ехать не советую... Погода на четыре с минусом... А главное, тут абсолютно нету мужиков... Але! Ты слышишь?! Многие девушки уезжают, так и не отдохнув» (Довлатов, 1991а, с. 268). Для разговорной речи героев произведений С. Довлатова характерны короткие фразы, дискретность, разорванность. Автор отражает логику построения диалога, отслеживая процесс рождения реплик: «– Екатерина Сергеевна, – торжественно произнес капитан и остановился, – выслушайте меня... Я одинокий человек... Я люблю вас... Это глупо... У меня нет времени, отпуск заканчивается... Я постараюсь... Освежу в памяти классиков... Ну и так далее... Я прошу вас...» (Довлатов, 1991а, с. 82).

Воспроизводя разговорную речь, которая является неотъемлемой частью повседневной жизни, С. Довлатов вкрапляет в реплики героев жаргонизмы: *шмонать, завернуть поганку, волынить, прижмуриться, пришить, замочить, дачка, подлянка*. Большой блок составляют слова сниженной лексики: *дерьмо, вранье, солидняк, сволочь, рыло, шлюхи, облевать, паршивый*. Это необходимо для создания эффекта живой речи, что несколько огрубляет текст, но делает его правдоподобным.

В повести «Зона» автор тонко передает языковой колорит, подчеркивая грузинский акцент героев: «– Как нормально, – закричал Рудольф, – почему нормально?! Людей не хватает. Надзиратэловишка стоит! Говоришь, нормально? Нэт нормально! Холод – нормально?! Э!..» (Довлатов, 1991а, с. 109).

Стремясь к созданию уникальных и достоверных образов, С. Довлатов пользуется приемом дислалии (нарушения речи), достигая максимальной достоверности в изображении героев. Наиболее яркий пример – речь Галины Аркадьевны, покровительницы Эрика Буша из «Компромисса»: «– Слушаю! – У нее получилось – “свушаю”. – Свушаю, миленький! <...> Его нет. Я прямо вовнуюсь. Он дал мне своо не задерживаться. Так что приходите. Мы свано побовтаем...» (Довлатов, 1991а, с. 218).

Писатель «разбавляет» привычную текучесть жизни мини-историями, анекдотами, которые прочитываются как лирический текст и легко запоминаются, поскольку анекдот выражает универсальный смысл жизни и подчеркивает ее абсурдность. Анекдотические ситуации затрагивают различные темы, изображают разных по статусу героев, оживляя текст. В сборнике рассказов «Чемодан» (Довлатов, 1991b) эзк по имени Толик рассказывает о том, как он украл... трактор: он выводил его с территории комбината, привязав сзади пустую железную бочку – бочку охранник приказал отвязать, так как на ее вывоз документов не было: это распоряжение знаток психологии выполнил, достигнув своей цели, трактор был угнан. Любопытно, но абсурдность этой ситуации никого из персонажей рассказа не удивляет.

Художественная повседневность имеет большую ценность для понимания авторского мировоззрения, выявления его жизненной позиции, отношения к современному миру и характеризуется широким тематическим спектром, простыми героями, юмористическим отношением к жизненным ситуациям.

Заключение

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что повседневность в произведениях С. Довлатова, будучи специфической нарративной модальностью, воссоздается на разных уровнях организации текста и определяется такими признаками, как повторяемость (повтор идей, сюжетных линий, образов, описаний, звуков), неизбежность совершения тех или иных действий, доминирующая замкнутость пространства, цикличность времени, обращение к сфере частной жизни героев. На социально-психологическом уровне выбирается чаще всего герой-обыватель, которому могут противопоставляться герои-профессионалы, герои сакрального типа или «деклассированные элементы».

Анализ специфики повседневности в творчестве С. Довлатова позволил выявить, что характерными особенностями повседневности в рассмотренных нами произведениях являются их сюжетная емкость, кулуар-

ность, камерность мизансцен, отсутствие масштабных картин с участием большого количества героев. С. Довлатов формирует повседневность, которая выстроена по определенным законам. Автор создает свой повседневный мир, который населяют простые герои (они не занимают высоких должностей), особенно автора интересуют люди, оказавшиеся за бортом благополучной жизни. С. Довлатов внедряется в поток обыкновенной жизни, фиксируя житейские проблемы, семейные ссоры, рядовые события (сфера частной приватной жизни). Довлатовская повседневность имеет четкие границы, заостряя внимание на объекте изображения, чему способствует замкнутость пространства. Автор совмещает реалистичность изображенной жизни и художественную украшенность («нарядная» довлатовская повседневность).

Для того чтобы художественный материал стал живым и правдоподобным, С. Довлатов использует сравнения, метафоры, эвфемизмы, анекдоты, которые добавляют филигранности и колоритности реальной повседневности. Прозаик применяет средства и приемы выразительности, с помощью которых его повседневность становится достоверной, реалистичной и правдивой, – он прибегает к использованию разговорной лексики (грубо-просторечной), лексики ограниченной сферы употребления – лагерного жаргона, употреблению слов, искажающих смысл высказывания, дислалии и акцента для создания речевых характеристик героев.

Перспективы дальнейшего исследования видятся нам в изучении иных аспектов повседневности в произведениях С. Довлатова, а именно бытовых концептов частной сферы жизни человека, роли и функций художественной детали, не рассмотренных в рамках данной статьи.

Источники | References

1. Власова Е. А. Интертекстуальное поле прозы Сергея Довлатова: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2019.
2. Вознесенская О. А. Проза Сергея Довлатова. Проблемы поэтики: дисс. ... к. филол. н. М., 2000.
3. Генис А. Довлатов и окрестности. Филологический роман. М.: Вагриус, 2001.
4. Доброзракова Г. А. Поэтика С. Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2012.
5. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004.
6. Комарова Т. Н. Проблема повседневности в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // ArtLogos. 2021. № 2 (15). https://doi.org/10.35231/25419803_2021_2_92
7. Кувшинов Ф. В. Репрезентация повседневности в русской прозе 1920-1930-х гг.: дисс. ... д. филол. н. СПб., 2019.
8. Лихачев Д. С. Литература – реальность – литература: статьи. Л.: Советский писатель, 1984.
9. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Изд-е 2-е, доп. СПб.: Искусство-СПБ, 2001.
10. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. М.: РГГУ, 2001.
11. Мещеряков В. П., Сербул М. Н. «Дела давно минувших дней...». Историко-бытовой комментарий к произведениям русской классики XVIII-XIX веков. М.: Дрофа, 2003.
12. Милешина Н. А., Меркушин А. В. История повседневности как научное направление // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-3 (61).
13. Плотникова А. Г. Традиции русской классической литературы в творчестве С. Д. Довлатова: дисс. ... к. филол. н. М., 2008.
14. Струкова Т. Г. Литература и повседневность: сопряжение. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2023.
15. Телегина О. В. Эстетизация повседневности в романах Элизабет Гаскелл: автореф. дисс. ... к. филол. н. Новгород, 2016.

Информация об авторах | Author information

Анисимова Александра Наумовна¹, к. филол. н.

Ефремова Юлия Ивановна², к. филол. н., доц.

¹ Московский городской педагогический университет (филиал) в г. Самаре

² Самарский государственный экономический университет

Anisimova Alexandra Naumovna¹, PhD

Efremova Yulia Ivanovna², PhD

¹ Moscow City Pedagogical University, Samara branch

² Samara State University of Economics

¹ 88763@mail.ru, ² yul-efrem@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.10.2023; опубликовано online (published online): 11.12.2023.

Ключевые слова (keywords): С. Довлатов; поэтика; категория повседневности; изобразительно-выразительные средства; персонаж; S. Dovlatov; poetics; category of everyday life; figurative-expressive means; character.